

Под большими деревьями...

Введение

Владимир Никифорович Станко, как мне рассказывали, в свое время хотел написать мемуары. Но не успел... Теперь мы пытаемся писать мемуары о нем. Странно как-то. Для многих, кто его знал, тяжело смириться с мыслью, что Его с нами нет. У меня до сих присутствует чувство, что он где-то рядом и далеко не уходил, тем более навсегда.

Когда мне поручили заняться сбором мемориальной части, сначала охватил небольшой страх, справлюсь ли, смогу ли, получится ли все так, как надо. А как на самом деле надо? Слишком серьезно не хочется, весело - не получится. Для начала я решила просто вспомнить о навыках, приобретенных в этнографических экспедициях, вооружиться диктофоном и пойти к людям, которые знали В.Н. Станко, работали с ним и просто уважали, они и выступили основными респондентами при сборе интервью. Интервью и некоторые личные наблюдения, воспоминания автора и стали основным источником для написания данного эссе. То есть методика сбора материала была этнографическая, тематика чаще

всего всплывала археологическая, хронология получилась разная, так как речь шла о самых разных исторических периодах. При сборе материала отсутствовал заранее продуманный и составленный вопросник, поэтому и изложение его будет, возможно, не совсем структурированным.

Результат одной из бесед о Владимире Никифоровиче подсказал мне и название. Иногда, пытаясь оправдать последствия какого-либо сюжета, говорят, что под большими деревьями деревья не растут. В данном случае, возможно такая ситуация возникает, когда мы имеем дело с сильной личностью, великим ученым и т.д. Но при этом, когда у этого ученого были ученики, были аспиранты, и есть ученики, которые его беззаветно любят, значит-таки, деревья выросли.

I. Первая встреча.

О первом впечатлении говорят разное, что оно не всегда бывает оправданным, либо наоборот именно от него зависит дальнейший исход событий. В данном случае, мы, во-первых, не будем анализировать воспоминания о первой встрече, первых впечатлениях, а во-вторых, логичным будет разделить их на первое впечатление студента от преподавателя и первое впечатление коллеги. Многие из моего круга общения впервые увидели Владимира Никифоровича Станко именно на лекции, на 1-м курсе. Итак, каким же оно было.

Первое впечатление студента

«Это была лекция по первобытной истории. Что-то космическое залетело на лекцию, что-то непонятно-неопределенное, которое сразу вызвало уважение и такой даже восторг от того, что такие преподаватели есть. С первых же слов, я не помню, какие они были, сразу было понятно, что он мыслями сразу везде, в такой какой-то абсолютно сумбурной манере и в тоже время все понятно. Общаясь, и потом оно, в общем-то, первое впечатление закрепилось. Я пришел заниматься археологией на факультет. Я понял, что только у него могу заниматься археологией» (Пригарин А.А.).

«Первая встреча была на лекции. На 1-м курсе. Стоит, бубнит себе что-то под нос, ничего не слышно на задней галерке. И термины какие-то все непонятные» (Пиструил И.В.).

«Когда слушаешь первые лекции Станко после средней школы, и ты понимаешь ну в лучшем случае лишь половину слов, которые произносит этот человек. Ты понимаешь половину слов, но связать их не можешь, ощущения специфические как бы. Первое впечатление самое сильное - это вопрос к залу: «А вам что в школе не говорили, что такое плейстоцен?». И все сидят и молчат, потому что сказать «нет» как бы все боятся.

Типичный, ярко выраженный ученый - первое впечатление. Бородатый такой и во-от в таких очках. Потом первое впечатление быстро оборвалось. Но то, что он был ученый, значительный ученый, понятное дело. Первые мои впечатления абсолютно не были обманчивыми. Потом к ученому добавилось и впечатление о человеке» (Людвенко П.).

«У нас спецкурсе, сидит вся наша группа. Если честно, кроме Киосака и Липатова никто ничего не понимает, что говорит Станко. Он у нас тогда читал. Все конспектируем и интуитивно понимаем, что это что-то...» (Гончаренко А.).

«Первое впечатление сложно сказать. Я был в растерянности. Никогда не думал, что я могу так просто попасть к декану. Студента взяли и к декану завели, чего вдруг? Обычно заводят либо выгонять, либо... Тут было приятное ощущение общения, с одной стороны, «стремное» конечно. Когда чуть дальше... К нему сразу проникаешься каким-то уважением. Мне понравился его подход к решению. Он был стратегом, очень интересным стратегом, он продумывал все

наперед. С одной стороны он был в общении простым человеком, а с другой стороны интересным стратегом» (Григоренко Е.).

«Если говорить о первом впечатлении, то во-первых - это 1994 год. Он был сам по себе знаменателен в том отношении, что это был первый год деканства Шефа и год поступления нашего курса. Конечно же, впечатлило то, что большинство курсов, которые читались на первом курсе, это читал Шеф — «История . первобытного общества», «Археология», «Этнология», это все читал Шеф. И четкая ассоциация была, когда он рассказывал, допустим, первобытное общество, про неандертальца или первобытного человека, он сам как будто бы перевоплощался в этого первобытного человека, как будто сам становился этим первобытным человеком, насколько он очень интересно все рассказывал. Еще очень четко помню 1 сентября, когда он нас, как декан всех поздравлял с поступлением, не помню предисловие, но он высказал такую мысль: «Как бы что у вас ни складывалось, но для того, чтобы что-то получилось, самый главный успех всего для начала - это дисциплина, или хотя бы выработка какого-то режима для себя». Вот эти слова «дисциплина», «режим» запомнились» (Николина И.).

Первое впечатление коллеги

«С Шефом я знаком с 1979 года. Первое впечатление было. Я пришел к нему на беседу, был я тогда на первом курсе биофака. Я тогда не знал, что стояла остро проблема в плане определения фауны, тогда уже открыли Анетовку 2-ю. Был уже сезон один 1978 года. А поскольку тогда надо было все свозить в Институт зоологии к Бибиковой, к ней стекался весь материал со всей Украины, и надо было становиться в очередь и ждать. Несмотря на то, Шеф, будучи учеником Бибикова, как он считал, контактировал с Валентиной Ивановной, не в очереди, но все равно надо было ждать. Их это напрягало всех. Поэтому они решили пару человек с биологического факультета подготовить для того, чтобы все это определялось здесь. А Шеф еще мечтал, чтобы это было прямо на раскопе. Таким образом, я шел на собеседование к Шефу. Но он был тогда без бороды, в толстых роговых очках, очень солидный. Все его тут шугались-боялись. Тогда отделу было только 3 года, который был новосозданный. Он был создан в 1976 году. Но все еще свежачком. Академия наук имела очень большую расширенную базу. Мы тогда получали все из Киева, все машины, и продукты, все дефицитные на то время товары, коими являлись гречка, сгущенка, тушенка. Мы это все получали из Академии наук. Все это гналось машиной сюда.

Поэтому я пришел сюда, он был очень уважаемый, непререкаемый. Он меня вальяжно так встретил достаточно. Естественно, любой, кто знал Станко, знает, он всегда изучающе относился к людям. Он со мной побеседовал. И на следующий год я уже поехал в Анетовку копать. Это было где-то конец 1979 года, ноябрь-декабрь. Я сюда пришел в Отдел. На следующий год вместо практики в заповеднике проходил практику уже на раскопках Анетовки-2.

На первой встрече было все официально. Какие могут быть впечатления при официальном? Официальные вещи они всегда одинаковы, на одно лицо. Потом, когда в экспедиции все люди живут на одной кухне, с одного пространства, в палатках, то конечно впечатления совсем другие. Впечатления конечно менялись, и в такой неформальной обстановке Шеф раскрылся совсем по-другому, как шутник, балагур» (Старкин А.).

«Первое впечатление помню. Как раз Женя еще тогда была секретарем, она меня хорошо знала. Она подвела меня к нему, на кафедре он со мной разговаривал, не в деканате. Когда я приехала и сказала, что хочу частично взять какие-то часы и вести. Это был 1998 год. Я заметила, во-первых, что он как-то психоло-

гически тоже видно, то ли волновался, то ли он пытался как-то принципиально подготовиться. Сначала как-то он, сурово посмотрел, казалось бы, сурово, когда он видно почувствовал, что эта вариация на меня не сработала, то уже сразу поведение было немножко другое. Молча он слушал, что я изложила свои взгляды на возможности сотрудничества с его факультетом, чтобы какую-то часть . нагрузки вести здесь, а часть вести в Николаеве. Он категорически сказал: «Нет, это меня не устраивает», попытался как-то обосновать, что там у меня нет нагрузки. Я сказала: «Я и знаю, и хочу частично. Опять я вернулась к той же теме. Он сказал: «Нет. Будете работать здесь полностью. Вы переезжаете сюда работать». Ну и естественно я согласилась. Ну мне кажется, что я и раньше его видела. Я как-то приезжала на стажировку сюда к Алпатову, еще Алпатов тогда работал, и в коридоре, где-то возле деканата я его увидела, такая высокая фигура, чуть-чуть сутуловатая. Его же невозможно не заметить. Я спросила: «Кто это?». Мне сказали: «Это археолог Станко. Ты его не знаешь». Потом, если говорить о таких отношениях официальных, то уже он достаточно корректно держался в отношении меня, разговаривал комплиментарно. Только в первые минуты знакомства была какая-то такая напряженность. И я со временем поняла, что обычно эта напряженность связана с моментами, когда он еще точно не знает, как себя вести, иногда появляется такая резкость. Когда он понимает уже суть происходящих событий, ему уже становится проще, если они, конечно же, его не раздражают» (Черных И.Д.).

II. Его звали Шефом...

Происходило это зачастую так. Одухотворенные лекциями по «первобытке», студенты попадали на первую в своей жизни археологическую практику, значительная часть этих студентов оказывалась в Анетовке (особенно если имели место восторженные рассказы старшекурсников ранее там побывавших). Чаще всего именно в Анетовке можно было услышать, что Владимира Никифоровича называют «Шеф». Одной из задач данного исследования было выяснить - откуда это пошло, с чем связано. Версии были разные: от простого объяснения, что «шефов много вообще. Многих людей называют шефами, потому что они начальники» либо «это общепринятая практика в науке называть Шефом научного руководителя. Это нормально во всем мире. Просто студенты видно были какие-то продвинутые, что его так называли. Задолго до нас и задолго до Пригарина. Т.е. его называли так давно. Возможно, иностранные студенты по аналогии со своими».

В результате хотелось бы привести версию, на наш взгляд, более правдоподобную.

«Отдел археологии, который возглавлял Владимир Никифорович, очень часто проводил экспедиции, и он был там начальником экспедиций, причем не экспедиции, а экспедиций. И вот в этот момент возникла ситуация, такое состояние, когда его стали называть «Шеф». Кто автор, может, и называли, но я не помню. Но условно это зародилось в конце 70-х - начале 80-х годов» (Пригарин А.А.).

«Это было с самого начала. В свое время достаточно давно Станко очень не переносил все английское, все капиталистическое, поскольку он был коммунистом, по крайней мере, по партбилету, то он, конечно, все это дело не переваривал. Скорее всего, это было в пику. Сначала он на это жутко реагировал, когда его называли Шефом, потом он привык, потому что понял, что с этим бороться бесполезно, потому что за глаза его все равно называли Шефом. В транскрипции «шеф» и «chief» звучат по-английски одинаково, а chief переводится, как и «вождь» и «шеф», приколом был вот в этом. Поэтому в Отделе его, за глаза, сначала

называли «Шефом». А потом, поскольку он был начальником Отдела, это вязалось с его должностными полномочиями. Потом оно перенеслось на все» (Старкин А.).

III. Семья¹.

1. Бабушка. О детстве... Он часто вспоминал свою бабуку, бабушку по материнской линии. Он ее видно очень любил, она с ним возилась. Он рассказывал . как она водила его утром по росе. Она видно лечила ему ножки. Они вместе утром ходили по росе. Как я поняла, целыми днями он был с ней, вечером они тоже выходили вместе гулять, бабушка выходила на лавочку вместе с другими бабушками, они там разговаривали, а он игрался. Потом когда наступали сумерки, бабушка ему говорила: «Вот Вовочка, солнышко село, и ты идешь спать». А потом он уже настолько привык, когда начинались сумерки, он подбегал к бабушке и говорил: «Солнышко пошло спать, и Вовочка идет спать». Чувствовалось, что он о ней с большой любовью говорил, был к ней привязан. Мелькнула даже такая обида, что когда ее хоронили, его не было. Он не помнит похорон, потому что его увезли куда-то.

2. Отец. Об отце он тоже рассказывал. Видно отец у него тоже был достаточно витальным, такого неслабого характера, несмотря на то, что он был вроде небольшой. Я его как то спросила, были ли у него в детстве игрушки? Он сказал, что игрушки ему не покупали, игрушек не было. Но вот однажды с отцом, а отец возил какого-то начальника, он сказал, что это была чуть ли не первая легковушка в Терновке. Приехали на дом к этому начальнику, а там у мальчика, который был примерно одного возраста, что и Станко, была машинка и ему дали на какое-то время ее посмотреть, поиграться. Дело закончилось там, что они забрать у него эту игрушку не смогли. Он забился в эту легковушку в угол, чуть ли не под себя ее положил. В общем, как ни пытался отец у него эту игрушку забрать, а так присутствовал еще и начальник. В конце концов, начальник сказал: «Ладно, отставь, не трогай его».

3. Мама. О маме всегда говорил, когда говорил, о том, что у него больное сердце, вот у мамы тоже было больное сердце. Вот она умерла, потому что у нее было больное сердце.

Кстати, он вспоминал, что у него были две старших сестры. Причем из разговоров я поняла, что заболел первым он, они заразились от него. Он выздоровел, а две старшие сестры умерли. Он говорит: «Я помню, они меня трогали и проверяли живой я или нет». А в результате они заболели.

Дом держался на маме. Все всегда она сама делала. Он говорил, что болезнь сердца ему досталась от мамы.

4. Дети. Очень много времени занимали дети. Он очень переживал за них. Он считал это каким-то ведущим сюжетом бытования, поставить на ноги детей. Бывали случаи, когда он очень трепетно о них рассказывал. Вот какой Саша, какой Максим, какие они, какие они разные. Чувствовалась настоящая теплота. Хотя тоже могли иногда ругаться, как это всегда бывает. Он к ним привязан был по-настоящему.

Насколько он о детях думал. Он курил достаточно долгое время и много курил. Он говорил, что он курил больше пачки в день. Но бросил, потому что у него было что-то со здоровьем, возможно первый микроинфаркт, а дети были совсем маленькие. Как я поняла, ему было 57 лет, когда он бросил курить совсем. Достаточно мучительным был этот процесс, но курить он бросил.

¹ Воспоминания о детстве, родителях, семье записаны со слов Черных Ирины Дмитриевны.

IV. О работе...

1. **В экспедиции.** «Мы приехали, надо работать. Я его сейчас понимаю, почему. Помню, когда в 1991 году экспедиция была, был переворот, путч, я проснулся в 6.30, прихожу на базу, как бы проспал, ну кто проснулся раньше. Сидит Шеф, слушает радио. Вот в стране переворот, все не знают, что делать, все в шоке. Вопрос: «Владимир Никифорович, что делать?». «Как что? Работать, работу-то никто не отменял, вы тут зачем?». Все, поехали все на работу. Человек встал в 5 утра, услышал, пока осмыслил, для него тоже шок был. Но работу, действительно никто не отменял. Все там было запланировано изначально, с молодости, это жизненный опыт был - ты сюда приехал, ты должен максимум «отпахать», чтобы народ не простаивал, чтобы получить какие-то данные и все. Мы приехали работать — мы работаем, мы здесь один месяц, два, больше здесь нас не будет в течение года, мы должны за эти месяц-два сделать определенную работу. Главное, чтобы был сделан объем работы, чтобы можно было предоставить научный отчет» (Пиструил И.В.).

«Шефское правило»: на 5 минут опоздал, на 5 минут все дольше работали» (Главенчук А.В.).

2. **За столом.** «Работал он очень интересно. Он любил этот важнейший сюжет, важнейшее составляющее работы, которое человека систематизирует - заставляет его войти в систему работу, это правильно разложенные ручки, правильно расписанные карточки. Он все это очень бережно, очень аккуратно раскладывал, все эти бумажечки, которые ему нужны, своими большими руками это все маленькое аккуратно раскладывал. Видно это позволяло ему войти в творческое поле, войти в работу. Любил писать, хотя на компьютере он работал. Но он видно не потерял удовольствие от того, что как он пишет, что он делает «кончиком пера» (Черных И.Д.).

3. **Физической...** «Любил физически работать. Я его спрашивала: «Зачем ты так много физически работаешь?» Особенно когда он жил в Николаеве, он огород все время окультуривал, убирал. Он говорил, что мне нужно двигаться, я не могу не двигаться. А есть и обратная сторона, которая самому ему подтверждала, что он еще физически силен и способен. Но при этом он тоже любил, когда к нему проявляли какое-то внимание и что-то делали» (Черных И.Д.).

4. **Деканом.** «Если говорить о Шефе непосредственно как о начальнике, или администраторе, то впечатления следующие. Человек сразу же доверял абсолютно, никакой лжи не терпел, у меня такое ощущение было, и поэтому я старалась себя вести. И момент всегда очень сильной защищенности, что не то что подкупало, а успокаивало. Работать нелегко, потому что никогда ничего конкретно не говорилось. Он говорил «А», а «Б», «В» ты должна сама догадаться, потому что ты знаешь алфавит.

Совмещение преподавательской и административной деятельности, это очень тяжело, всегда человек, изначально, будучи ученым, будет отдавать приоритет на сторону того, что связано с наукой, а не с администрацией. Несмотря на это, он как администратор, был достаточно дельный и четкий человек. Не могу сказать, что Шеф чистой воды администратор, на 100% администратор, мне кажется, что первоначально была наука и преподавание - то, что больше им ценилось. Дисциплины он требовал как от студентов, так и от преподавателей» (Николина И.).

V. Анетовка.

1. **О раскопках.** «Станко так организовал раскопочный процесс, что в принципе все знали, что им делать. У каждого человека в экспедиции была какая-то

своя роль. И он эту роль понимал, что он должен ее выполнять. Не знаю, как так сложилось, что люди достаточно все были приличные в экспедиции у Станко. В отделе тогда, тогда были новостроечные отделы, в одном отделе было несколько подразделений, а в новостроечном отделе были совсем другие правила, достаточно такого анархаистического толка, если можно так сказать. В то время считалось, что в экспедиции у Станко все настолько очень правильно, что там достаточно комфортно работать. Это была репутация действительно экспедиции Станко, что там комфортно работать, что там все нормально, что там нету никаких пьяных дебошей и т.д., все это пресекалось действительно. И опять же может, потому что вокруг него собирались люди, которым не надо было дебоши устраивать. Экспедиция у Станко всегда слыла своим тем, что все было в порядке. И в работе, и в быту все в общем-то было нормально, не было никаких напрягов. Потому что в других экспедициях тогда была репутация, что женщинам в мужской коллектив лучше не ездить. Было такое. В экспедициях некоторых было именно так. У Станко как раз репутация была такая, что можно было спокойно женщинам ездить и ничего с ними там не случалось.

Местные жители, по-моему, до сих пор не могут понять, почему это люди с высшим образованием приезжают к ним в «зачуханое» село, и все лето там живут, чего-то копают. Они как считали, что Анетовка-2 - это скотомогильник. Говорили: «У нас сапом болели лошади, их там расстреливали. Вы что в скотомогильнике роетесь?». Поэтому относились как к убогим и всячески помогали и сочувствовали, и продукты носили. Когда там была молодежь, в клубе были танцы, наши девушки пытались как-то возместить недостаток цивилизации на танцах в клубе, что потом заканчивалось всегда непредсказуемыми последствиями. Относились так: «Странные люди, в общем-то, приехали тут, в палатках живут». Во-первых, тогда же было много анахронизмов в селе, нельзя было девушкам ходить в купальниках, это вызывало бурю негодования у бабушек пенсионного возраста, «потому что мужики же смотрят, это же нельзя». Неадекватно воспринимали немножко нас. Во-вторых, живут в палатках, значит, они там занимаются чем-то непотребным по ночам. Ну как это мужчины и женщины живут в палатках. Сельский менталитет он же строго направлен на это дело. Многие контактировали со Станко, дружили, достаточно лояльно относились.

Кстати говоря, когда была экспедиция Отдела, когда это Академия наук, тогда экспедиция была с мая по сентябрь, 5 месяцев. Можно было раз в месяц ездить домой. Потому что график просто такой достаточно напряженный на исследования. Памятник большой, памятник достаточно непростой даже в плане научной интерпретации, не то чтобы методики раскопок. Очень сложный. Естественно, что у каждого археологического памятника аналогов очень мало, каждый уникален. Поэтому методика корректировалась прямо по ходу. График очень плотный и уезжать не приходилось так часто, а копали 5 месяцев.

Теперь я понимаю, когда человек занимается исследованием какого-то памятника, на все вопросы он сразу ответить не может, тем более, если раскопки только начались, пару лет. Я задавал всякого рода вопросы, на что Станко нашел свой метод. Он заставлял меня копать. Хочешь получить ответы на вопросы - значит, копаешь от сих до сих. Чему я ему очень признателен, потому что до сих пор копаю, и копаю, что вроде никто не жаловался» (Старкин А.).

«Шеф как историк, он все-таки был больше историком, чем археологом. Больше всего его интересовало... ну сам процесс раскопа это да, а получить полную картину, он хотел ее докопать. Как, какими это силами будет сделано, его мало интересовало. Он хотел подтвердить или опровергнуть свою точку зрения

по поводу Анетовки как культового места. Он хотел ее просто побыстрее раскопать, чтобы постараться как-то интерпретировать. Ему было интересно, с точки зрения историка. А так, какого типа там резцы, какого типа там микроцелые, его интересовало как археолога, но как историка... он больше был историком. Он выделял тех людей, на которых мог опереться. Потому что один человек не может, допустим, Анетовку копать. Всегда должны быть люди» (Пиструил И.В.).

«Шеф приходил на раскоп, садился в тенечек на стульчике. И разбирал... Может, он там камни разбирал, а может на самом деле писал дневничок. Был же у всех этот момент 11-часового чая, но он мог затянуться, если какие-то провокационные вопросы, или вдруг какой-то камень нестандартный выкопали. Тогда там можно было и целый час не приступать к лопате. Отношение к Шефу было очень уважительное. И может быть был элемент страха. А как можно заставить студента работать, без того, чтобы он немного не побаивался.

Шеф любил вокруг девочек собрать. Он им что-то там рассказывает, они ему там умные вопросы. Просто Шеф девушек уважал, любил им порассказывать» (Алексеев А.).

«И еще он был очень большим дипломатом. Потому что в Анетовку как-то приехали гаишники местные и, причем несколько некорректно себя вели. За стол сели, выпили. И тут началась долгая беседа. Ни о чем. Не с ними. Их игнорировали. Шеф долго рассказывать о своих учениках, генералах и министрах, тех, которые его ученики, как они приезжают в гости. Я наблюдал за этими гаишниками, которые сначала выпили по рюмке, потом как-то так опустили голову и тихонечко-тихонечко быстро уехали, потому что они поняли, что некорректно себя достаточно повели, когда так нагло. Был такой эпизод» (Григоренко Е.).

2. Откуда появилась база в Анетовке? «База появилась в 1986-м году. Опять же, там Станко будучи тогда уже, наверное, профессором, достаточно известным человеком, он же ездил к председателю сельсовета, когда мы открывали экспедицию, и все всё знали, председатель колхоза тогда ещё был, он еще иногда помогал нам продуктами, тогда было признаком хорошего тона для сельской интеллигенции помочь археологической экспедиции чем-то. Эта база - это был изначально дом кулака, которого раскулачили, потом там сделали клуб, потом, когда советская власть там построила клуб большой, этот клуб был отдан сначала под курятник, потом под цыплятник. И уже после цыплятника, когда он пришел в совершенную негодность, каким-то образом, опять же видимо в разговоре, Шефу пообещали этот цыплятник. И как бы отдали и отдали, цыплят естественно забрали, а там вы делаете с ним, что хотите. И тогда Станко пришел в 1986 году за стол, а мы тогда жили вот напротив бабы Ели, там, где ее мама жила, в этом саду, он пришел и сказал, вот, нам отдают, такой весь довольный, мы сможем теперь там материал держать. Потому что в то время мы вынуждены были весь материал увозить сюда, даже материал, который даже был не нужен в первую очередь в работе, все равно надо было увозить, потому что оставлять его было негде. И лопаты, и палатки, и весь инвентарь. Это достаточно проблематично. Потому что Газ-66 загружался по крышу, и надо было еще нам ехать, где-то втиснуться между материалом. Поэтому это было проблематично, и Шеф был достаточно доволен. И он бросил клич: «Давайте вот базу приведем в порядок». Тогда у нас еще были волонтеры из Москвы, из Санкт-Петербурга. У нас был целый отряд из Санкт-Петербурга - Ленинградское отделение тогда называлось ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Была Григорьева такая Галина Васильевна, которая возглавляла этот отряд, и она привозила к Станко в экспедицию.

И вот он бросил клич и за столом сказал: «Вот нам отдали базу и надо ее отремонтировать, но своими силами». Естественно, никто на этот клич не отреагировал, ну потому что на палеолитическом памятнике работа несколько складывается иначе, чем на более поздних памятниках и работы там намного больше, и по фиксации, каменный век стоит особняком в археологии. Поэтому никто не отреагировал. Ну и тогда Шеф решил такую каверзу придумать: «Слушай, Андрей давай как-то устроим субботник-воскресник». Во-первых, в экспедиции один день выходной — это воскресенье. Все хотят выспаться за всю неделю, потому что рано встают. У кого-то накопилась усталость после отдыха, тоже хотят расслабиться в воскресенье, сходить на Буг, места красивые, рыбу половить и т.д. Никто естественно ничего не хотел делать. И Станко тогда подозвал меня к себе: «Давай, Андрей, ты пойдешь, начнешь работать, а я скажу, вот неудобно, смотрите, Андрей работает, а вы его не поддерживаете. И тогда мы подтянемся». Я сразу согласился на эту авантюру. Работаю час. Я туда зашел, открыл эту дверь, во-первых, после птицы запах, стеллажи деревянные с сеном, и стоит какое-то шуршание. Оказалось жуки, которые там завелись с этой птицей вместе они там в этом сене. Я уже не говорю о пыли и про навоз. Это отдельная тема. Он говорит: «Ну, ты зайди туда, начни разбирать эти стеллажи, надо демонтировать, почистить, а потом уже думать, как там отремонтировать дальше». Я, конечно, взял инструмент какой-то примитивный, начал разбивать эти стеллажи, пошла пыль жуткая известковая, потому что эти стеллажи видимо для дезинфекции белили известью, чтобы птица не заболела что ли. Короче говоря, час работаю, два, а никто не идет. Я уже думал закрывать. Я крайний что ли? Очень хорошо. Я сейчас все вынесу. Я действительно там многое сделал. Только я собирался уже оттуда уходить, смотрю, Шеф идет с москвичами и другими добровольцами, которые все-таки повелись на это, совесть проснулась. И таким образом постепенно, своими руками из досок делалось что-то другое, скамейки. Шеф получал от этого удовольствие несколько, потому что руководить строительным процессом оказалось тоже очень забавно. Своими руками все это дело делалось. Правда, у Станко было очень много друзей его возраста, из Терновки, например, они ему, конечно, помогли. Я так понимаю, что в Терновке не все могли так пробиться, как Станко пробился. И они ему помогали все, чем могли. Когда он находил там на каких-то заводах судоремонтных в Николаеве своих друзей и они там варили двери, которые живы по сей день. Единственное, что я жалею, через 3 года, в 1989 году, нам предлагают взять школу, вернее одно крыло школы, которое подтекало. Нам предлагают взять и сделать филиальчик такой. Но поскольку это дальше от раскопа, дальше от лагеря. Хотя там территория школы была просто изумительной, там был свой бассейн, фонтан, там было очень здорово, там были подсобные помещения, кухни, погреба. Школа эта строилась для сельчан еще «панночкой». Она для своих вассалов решила построить школу, потому что понимала, что образование это все. К сожалению, сельчане уже после советской власти поняли, что образование это не все. Потому что туда ходило всего 5-7 детей.

Мы даже со Станко зашли, посмотрели это крыло школы. Распределили, кто где живет. Там было 3 или 4 комнаты в этом крыле. Директор школы согласилась: «Возьмите, потому что все равно разрушается, ремонтировать не на что». Шеф считал, надо в первую очередь поставить железные заслонки на окна, чтобы никто туда не лазил. Но у него что-то не получилось, что-то с этими заслонками. А через год эту школу закрыли, а через год или два председатель колхоза отдал эту школу какому-то колхознику, и он ее просто разобрал, просто разрушил. И это конечно жалко» (Старкин А.).

3. Какая связь между Анетовкой и Нагорным Карабахом? «В 1988 году в отдельном домике жили Старкин и Часников (покойный муж Смоляниновой). Тогда ситуация была в Нагорном Карабахе. Шеф назвал их «карабаховцами», потому что они отделились. Поэтому домик стал «Карабахом». И они там вдвоем жили. Шеф их и назвал «карабаховцами». А домик потом остался. Когда там был туалет, мы с Сунцовым на их практике на него распространили название «Карабах». Но первым этот домик так назвал Шеф в 1988-м году» (Главенчук А.В.).

«Было у нас такое время в отношениях с Владимиром Никифорович Станко, когда у нас отношения совсем никак не складывались. И я какое-то время стал раздражать Владимира Никифоровича до такой степени, что мы просто не могли находиться за одним столом. Да, бывало такое в наших отношениях, как в любых человеческих отношениях. Я считаю, что это нормально. Я его всем раздражал. Я понимаю, чем я его раздражал, потому что на его одну шутку, происходило много других шуток, которые почему-то приживались. Ну, в общем, это два человека с таким языком в одной банке или на одной коммунальной квартире - это конечно тяжело. Там был заброшенный домик. В этом домике жил один сельский сумасшедший, скажем так, которого просто все достали. Поскольку, он ушел из семьи, он построил, отреставрировал себе домик из самана и там жил, и никого не трогал. Естественно, сельчане на него реагировали как на человека-изгоя, тот, которого надо гноить. В скором времени он скончался, а домик остался.

Когда возникли напряги не только в отношениях таких, но и в официальных, я решил уйти с Сашей Часниковым. Был у нас такой сотрудник, ныне, к сожалению, покойный, который тоже работал с Шефом и у которого тоже были непростые отношения со Станко. И мы вместе пошли в этот домик. Жили мы в этом домике полевой сезон. И в то время, как раз это 1987 или 1988 год, когда был конфликт в Нагорном Карабахе, поскольку ситуация у нас не была настолько конфликтной, чтобы доходило до стрельбы, но тоже был конфликт, то Шеф нам дал такое погоняло: «Эти вон там, в Нагорном Карабахе». Оттуда пошло «Нагорный Карабах» (Старкин А.).

4. Негласные правила в экспедиции. «Правило № 1: «Не будить Шефа». Можно было конечно посмотреть, чтобы с этого вышло. Если Шефа разбудишь ночью в экспедиции, он потом плохо спал, и он потом был в очень плохом настроении» (Главенчук А.В.).

«Было конечно место у Шефа за столом. Вот это место было закреплено за Шефом. Это аккурат возле раздачи. Поскольку Станко ездил в экспедицию с семьей, то возле него все это распределялось - дети, жена и т.д. и т.д. Сначала я сидел напротив Станко, потом когда наши отношения начали усложняться, я сел на другом конце стола, то наша перепалка становилась достоянием всего длинного стола. Тогда в Анетовке сделали длинные столы. Поэтому я вынужден был уйти на самообеспечение.

Это место нельзя было занимать, нет, как бы, можно было, но это воспринималось, как «подсигивание» начальника, «в свите» сразу шел слушок. В принципе да, было у него такое место, была у него своя палатка, было место у палатки в лагере, потому что это было сугубо «шефское» место. Это из негласных правил» (Старкин А.).

«Когда Шефа не было, он приезжал, он заходил на кухню и в кладовку, если на кухне и в кладовке порядок, значит все в порядке. Если где-то обнаружился бардак, то получали все. Независимо от того, сколько работы сделано. Может,

уже все гам промыли, и перебрали, и выкопали. Все равно, получали все» (Пиструил И.В.).

«Практика в Анетовке. Когда мы приехали, Шеф не сразу был, были руководители свои - Пиструил, Дина Веселова, Беспятова, которые нами заведовали. Потом приехал Шеф, и это было сродни тому, что приехал Зевс, который собрал всех на Олимпе, на Олимпе сидели приближенные, а вокруг простые земные существа - практиканты. Конечно же, была масса интересных историй. Всегда когда он рассказывал, как будто таинство какое-то происходило. Даже когда он просил у дежурных просто чайник сделать или еще что-то, какой-то атмосферой от него веяло очень хорошей. Вообще впечатления о практике были очень светлые. Хотя Шеф не всю практику был там, может, неделю, недолго. Но всегда, когда он приезжал, всегда после определенного времени 10 или 11 вечера, точно не помню, надо было немножко вести себя тише, не гневить Зевса, не гневить Бога» (Николина И.).

5. День археолога и посвящение в археологи. «День археолога по версии Станко был организован Борисковским, из Ленинградского отделения Института археологии. Поскольку в Советском Союзе были праздники - день шахтера и т.д., а об археологах естественно никто не позаботился. И археологи решили позаботиться о себе сами. И по приколу Борисковский сказал, что тогда-то будет День археолога. Скорее всего, тогда просто нужен был повод, и календарно это сложилось на 15 августа. И тогда все, кто работал с Борисковским, а там большая плеяда палеолитчиков работала с Борисковским. Все это дело рассосалось по экспедициям, и переходило, как цыганская почта: «А вы что 15-го августа не пьете? А чего? Так День археолога же». Таким образом, это все и пошло, т.е. это было все спонтанно. Шеф четко и свято чтит память этого дня, и всегда были у нас застолья большие в этот день. Этот праздник уже официально, но в Советском Союзе он был абсолютно не официально. Это дело археологов, когда им отмечать свой праздник. День археолога отмечался и до того как Шеф был в Анетовке. Я знаю о Дне археолога с 1974 года. Во всех экспедициях археологических отмечался этот день. Посвящения не было. Посвящение было придумано Станко. Там целая программа была.

Так же появились и стенгазеты. Когда люди пять месяцев сидят вечерами, хочется какого-то развлечения. Вот и стали придумывать эти газеты. У нас в экспедиции был художник Зайцев Евгений, достаточно тоже компанейский человек, который приезжал к нам в экспедицию на протяжении нескольких лет. Это тоже показатель, когда люди хотят приехать в экспедицию. К Шефу хотели приехать в экспедицию, это была такая элитная экспедиция. Не все могли туда попасть. Это был такой ореол - что вот к Шефу - это элитная экспедиция, туда не всех берут, но вот если человек попадал туда, он хотел приехать туда еще раз и еще раз. Люди на протяжении ряда лет привозили туда своих сыновей, дочерей. Занились мы тем, что первую газету выпустили, потом это понравилось. Естественно все в юмористической форме, хвалебные рисунки, Шефа изображали в таких достаточно презентабельных вещах. Просто прикалывались. Вот отсюда пошли эти стенгазеты, и посвящение, от скуки, дабы придумать что-то. На посвящении выдумывали конкурсы разные, переодевание и т.д. И день Ивана Купала праздновали, как продолжение посвящения. Сначала это была научная экспедиция, а когда Шеф перешел в университет, после 1991 года, когда студенты начали регулярно ездить, тогда было посвящение в археологи. Форма посвящения менялась каждый год. Все опять же шло от низов, что они хотели, строгих правил не было посвящения. Человек, который приехал в экспедицию, он посвящался в археоло-

ги. Это происходило в некоторых случаях на природе, у нас тогда была машина, мы загружались, ездили на пороги, на Южный Буг» (Старкин А.).

«После моей практики, я поехала на День археолога, я не осталась в экспедиции, потом приехала на День археолога, там Шеф вечно руководил зажиганием костров. На практике такой пионерский костер, вокруг костра, и все рассказывают байки, как Шеф там говорил, хотя в основном рассказывал Шеф. Он любил байки рассказывать» (Главенчук А.).

VI. О друзьях, коллегах...

«Он рассказывал, что вот они с Карышковским большие друзья. Кстати, о Карышковском он много говорил и достаточно в таких пиететических тонах, хорошо к нему относился.

Всегда с большим пиететом, уважительно всегда, никогда грубых, резких высказываний или сарказма, или мало-мальски даже шутки я не слышала в отношении к Заире Валентиновне Першиной. К Заире Валентиновне он относился с большим уважением. Он считал ее мудрой женщиной, прислушивался к ней.

Если о коллегах говорить еще, то помимо Карышковского, еще очень с теплотой, конечно, он отзывался о Бачинском. Он рассказывал, какой он удивительный был эрудит, как он много знал, как у него много было в городе знакомых. Как вся интеллектуальная элита фактически знала Бачинского, относилась к нему с большим уважением, дружелюбно. Он был таким открытым человеком, как он говорил.

Иногда какую-то свою линию поведения он мог оправдывать тем, что: «Так отец мой поступал». Причем надо сказать, что при том при всем все, что он делал, он обдумывал, может, иногда о чем-то и жалел, иногда пытался держаться до конца той линии, которую он брал. Но он всегда старался найти прецедент среди тех людей, которые оказали на него влияние и которые были ему близки. Бибиков, например. Он рассказывал, что вот они с Карышковским большие друзья. Кстати, о Карышковском он много говорил и достаточно в таких пиететических тонах, хорошо к нему относился. При этом он говорил, что они однажды разругались и долго не разговаривали. И он говорил: «Ну вот Бибиков тоже со своим коллегой как-то разругался, и долго не разговаривали, но потом они тоже помирились». Он всегда пытался свое поведение как-то вписать в общую канву. При неоднозначном экстремальном поведении, он всегда пытался вот этот свой поступок вписать в общеизвестные нормы, если он с кем-то вздорил или ругался. При этом были люди, с которыми он практически не желал общаться по каким-то причинам. Он мог достаточно долго с ними общаться, а потом общение исчерпывало себя. Но были случаи, когда он мирился, эмоционально возвращался к этим же людям.

Вообще он людей достаточно сильных и порядочных очень ценил. Он вспоминал, что в общежитии он жил с одним студентом, который был старше его, который прошел армию, имел армейскую выправку, и он мог влиять на него так, чтобы сохранять порядок. По всей вероятности, для такой природы импульсивной эмоциональной это немаловажно, потому что это дисциплинирует эмоционально тоже - порядок» (Черных И.Д.).

VII. Станко В.Н. и студенты

«На первом курсе он ко всем студентам обращался на «Вы», а когда человек становился ближе, он говорил уже «ты» (Пиструил И.В.).

«Начало 2-го курса - определение со специализацией, выбор темы курсовой. Все естественно после практики, ринулись к Шефу. У нас с курса было много людей к Шефу. Он консультацию назначил в лаборатории. Какая-то часть

людей дошла, какая-то нет. Но он каких-то определенных людей взял. Не очень много писал, но в сравнении прилично. Те люди, которые хотели у него писать, ознакомились с темами на кафедре, выбрали себе темы или хотели высказать свои какие-то предложения, или вообще ничего не выбирали. Я, допустим, ничего не выбирала, просто знала, что хочу у него писать. Собралась толпа людей 2 курса. Это был сентябрь или начало октября. И он собрал нас в лаборатории, и по одному к нему заходили, и он сидел на стульчике и спрашивал. Он спрашивал: «Скажите, что Вас интересует?». Когда ты говорил, в итоге, все равно так получалось, что как ни крути, чтобы тебя ни интересовало, не могу сказать, чтобы тебя не слушали, тебе говорили, что тебе надо писать. Не знаю как другим, я допустим больше склонялась к первобытному искусству, культуре. Когда начали об этом говорить: «Что Вас интересует?». «Ну, конечно же, искусство первобытное». Шеф сразу начал говорить: «А реально поехать? Это большие деньги, инициатива. Насколько это будет продуктивно». Он так сказал: «Есть такие три момента: искусство, экономика и что-то из серии палеоэкологии. К чему влечет?». «Ну, конечно же, искусство». «Да, искусство это хорошо, но давайте мы будем заниматься первобытной экономикой. Вот, пожалуй, становление производящего хозяйства в степях Северного Причерноморья». Знаю, что было много желающих, тебе льстит, что он выбрал кого-то определенного. Но этот момент тоже четко зафиксировался» (Николина И.).

«Студенты сами уже держались и с уважением относились к Владимиру Никифоровичу. Потому что по-другому относиться нельзя было. Оно было так поставлено. Хотя Шеф в общем-то... Но он всегда обращался на «Вы» (Григоренко Е.).

VIII. Разное (о первых находках, пристрастиях, сентиментальности...)

1. **О находке погребения кочевника.** «Шеф рассказывал, как они ходили воровать арбузы, на бахчу. Ну, это так детская шалость была. А сторож их остановил и говорит: «Ребята, чтобы вы тут мне не погнали, я вам сам выделю по пару арбузов. А вы идите, вон там траншея, (военные прокапывали какую-то траншею для прокладки кабеля), сидите там и не топчите мне бахчу». И они пошли, сели на эту траншею и траншея начала обсыпаться. И появились, как всегда, случайно, какие-то железячки на месте поедания арбуза, и начали копать и так они нашли погребение кочевника. Это была его первая самостоятельная работа, то ли одна из первых его работ» (Алексеев А.).

2. **Книги.** «Любил читать, но читал всегда классику. Он возвращался всегда к ней. Новые вещи его не особо привлекали. Он чаще обращался к классике. Как-то мы разговаривали, и я сказала, что я в детстве, в подростковом возрасте ходила на спектакль «Пер Гюнт» и он мне сказал, что это его любимая книга. Он Есенина любил» (Черных И.Д.).

3. **Музыка.** «Любима его певица - это Толкунова. Какая должна быть у мужчины натура, чтобы она была у него любимой певицей. Этот человек достаточно должен быть сентиментальным» (Черных И.Д.).

4. **Астрология, карты, гадания.** «При этом астрологические сюжеты его очень интересовали. Он всегда пытался посмотреть какой у него день по астрологическому прогнозу. Он как-то в это верил. Сочетается - не сочетается. Пасьянс иногда раскладывал: сходится - не сходится на что-то. Этот момент, может, ощутить события фатальные и не фатальные, как они действительно могут повернуться с точки зрения астрологии» (Черных И. Д.).

«Он еще на картах гадал и раскладывал пасьянс. И при этом что-то рассказывал. Ему там из Киева передали какое-то репринтное издание, начала 20-го

века, только переиздали. Хиромантию. Ему кто-то дал. Он внимательно прочитал и девушкам гадал по руке» (Главенчук А. В.).

«А еще он придумал гадать на кофе. Давай им заваривать и гадать. И сам себе что-то придумывал» (Алексеев А.).

5. Авантюры. «Он любил всякие авантюры, такие интересные. Где-то заблудится, чтобы что-то поломалось. Это была воспитательная мера, очень важная воспитательная мера. Иногда даже, мне кажется, что он специально создавал такие ситуации, для того чтобы попадали в них. Но не сложные ситуации, чтобы из них можно было выйти, и выйти с достоинством. Это определенного рода воспитание и студента, и человека, и личности как таковой. Разные и психологические ситуации, и физические ситуации. Особенно очень Шеф любил попасть в какую-то историю, которую можно рассказать» (Григоренко Е.).

IX. Для меня Шеф - это...

Так как приходилось говорить с разными людьми, к тому же они при разных обстоятельствах виделись с Шефом, работали, говорили, проводили время, поэтому было решено выделить следующий пункт для завершения общей картины.

«Я прежде всего воспринимаю человека как человека. Он потом уже ученый, потом уже великий. Учителем он для меня естественно никогда не был. У нас с ним, скорее всего, были партнерские отношения. У меня учитель другой человек - Валентина Ивановна Бибикова. Станко при всех наших сложностях в отношениях, потому что и он такой заводной, и я местами бываю заводной, понимал, что это просто партнерские отношения в науке. И к чести его будет сказано, что это не всем дано, он умел разделять межличностные отношения и отношения в науке. И как бы у нас ни складывались отношения, все равно мы понимали, что мы вынуждены работать вместе, поскольку у нас партнерские отношения, поскольку он без меня никуда, а я без него, потому что материал его, как бы он поставлял мне этот материал, поэтому мы закрывали на многие вещи глаза и воспринимали друг друга иногда даже просто как коллеги, просто люди, которые вынуждены контактировать в силу научных потребностей» (Старкин А.).

«Наверное, друг, несмотря на то, что конечно учитель. По первоочередности друг. Сугубо так. Он был творец. Демиург такой своеобразный. И это проявлялось во всем. Начиная от собственных детей и заканчивая наукой, истфаком. За что бы он ни брался, он по сути дела создавал нечто свое, и очень злился, когда у него это не получалось» (Пригарин А. А.).

«Для меня это человек, который видел, что я хочу заниматься археологией каменного века. Он дал мне работу. Дал шанс. А как я его уже использую этот шанс, не использую. Он взял меня на работу, предоставил возможность».

Научный руководитель - он да. Он сделал две главные вещи, как для меня - одну даже, самую главную - вывел на защиту. Он приехал в Институт археологии, после первого раза, когда меня отправили, он приехал второй раз, они ничего не сказали и меня из-за этого пропустили. Он приехал и слова не сказал, но само его присутствие...это было достаточно. Тему он мне не выбирал, тему выбрал себе я. Он сказал: «Ну ладно, ну работай, ну посмотри». Т.е. он кидает человека, как щенка в воду кидают и смотрят - выплывет хорошо молодец, или не выплывет. Ну, выплыл, что сделать? А когда человек выплывает уже, то он, скажем так, делает шаг дальше, чтобы подняться. Т.е. Шеф для меня сделал этот шаг два раза - первый, когда взял на работу, второй - когда приехал ко мне на предзащиту, после которой меня пропустили.

Главное давал работать. Шеф доверял, а что потом из этого выходило, тут, потом по-разному, как его сложный характер, как характер того человека, кото-

рый работал. Конечно, могли возникать проблемы. Поначалу многих подкупало то, что он давал работу. Делайте. А там как оно получится. Он был опасливым - не опасливым, скорее подозрительным в силу своей натуры» (Пиструил И.).

«Он знал, как общаться, знал, как корректно подойти к людям. Он учил корректно общаться. У него очень многому можно было научиться. Как общаться, о чем разговаривать и т.д. Это не касалось экспедиции конечно. В целом, он очень многое сделал в моей жизни, и мой жизненный путь даже направил и многому научил» (Григоренко Е.).

«Для меня Шеф - это образец, та планка, к которой стоит тянуться. Даже несмотря на то, что он был подвержен там всяким слабостям, как и любой человек. Для меня он сродни Зевсу, другого сравнения не нахожу. В одном из посвящений, когда я была в археологической экспедиции в Зализничном у Смынтыны, они там посвящение делали. 1999 или 2000 год. И мне там дали имя «Ирида», как спутница Зевса, которая его охраняет, помогает ему, как правая рука. Такая ассоциация мне нравилась, может, чем-то я действительно помогала Шефу, не знаю, насколько я действительно была его правой рукой. У меня научил многое считать пустяками, то, что действительно не стоит твоих трат попусту, и энергии твоей, а на некоторые вещи, такие действительно цельные, как раз таки больше уделять внимание».

Для меня он в первую очередь учитель, опять же говорю - это планка, к которой стоит тянуться и так шикарно доносить до студентов материал, вот это для меня планка, просто, не напрягаясь, ненавязчиво, и полностью воссоздавая и реконструируя ту картину, что было когда-то. У меня это четко связано с первым курсом, может, поэтому мне до сих пор и нравится этот период, ничего больше другого. В отношении своей увлеченности, как профессионал, как ученый, который именно своей проблематикой занят, титан. В этом плане тоже стоит тянуться».

Для меня я считаю, что в определенный момент этот человек сделал решающий шаг в том отношении, чтобы я хотя бы осталась в Одессе. То есть он в принципе решил мою судьбу, чтобы я осталась в этом городе. Было конечно тяжело, очень тяжело, но, опять таки, очень сильная поддержка и защищенность, это я чувствовала» (Николина И.).

«Шеф — личность многогранная, везде можно было его крутить, он крутился, и его разные грани играли по-разному. Ими можно было любоваться» (Людвенко П.).

«Это человек очень витальный и сильный, а у сильного человека какие-то слабости тоже сильные. Конечно, перепады настроения тоже были сильные, бывали такие какие-то резкие срывы, раздражения и т.д. Но они не столь были чаще, чаще он старался сохранить облик такого сильного волевого мужчины, а это в его представлении было связано с достаточно жесткой линией поведения. Но иногда он был даже сентиментальным, почти по-детски сентиментальным мог быть».

Это натура, в которой сочетались абсолютно несочетаемые вещи, сентиментальность и жесткость, лиризм и, казалось бы, такой откровенный цинизм. Мог быть откровенно добрый порыв с одной стороны, а с другой - может быть жестокость в каком-то сюжете абсолютно, казалось бы, неоправданная, но она тоже могла присутствовать. Это не противоречивая натура, это цельная, сильная, витальная натура, в которой все было. Он был сильным человеком, большим» (Черных И.Д.).

В качестве заключения

Хочу рассказать свой сон, который приснился мне накануне защиты кандидатской. Шеф стал моим научным руководителем на этапе завершения работы и очень мне помог. Итак: «Аэропорт. Мы с Владимиром Никифоровичем ожидаем вылет. Рейс почему-то задерживается. Решили перекусить. Каждый, соответственно, по своим возможностям. И тут приносят еду и перед Станко накрывают шикарный стол (там было все), а мне приносят сосиски (я конечно же их обожала) и что-то вроде трех корочек хлеба. Едим мы по разные концы стола, при этом я давлось слюной, поглядывая на яства моего научного руководителя. На что он мне говорит: «Смотри, будешь работать так, как я, сможешь чего-то достигнуть и будешь так же кушать». Почему-то до сих пор я вспоминаю этот сон, когда вдруг посещает мысль остановиться, не продолжать. Владимир Никифорович Станко, Шеф, любил работать, много работал и делал это с удовольствием. Глядя на то, как он работает, понимаешь, есть к чему стремиться и ты будешь это делать.

Воспринимайте, как хотите, но, думаю, благодаря именно Ему под большим деревом выросли и другие деревья, которые продолжают тянуться вверх.

Что-то осталось недосказанным, с кем-то еще хотелось бы поговорить, о чем-то еще хотелось бы рассказать. Поэтому, думаю, уместным будет сказать, что

продолжение следует....

Хочу поблагодарить за предоставленные воспоминания и время, уделенное мне, Игоря Пиструила, Аллу Главенчук, Павла Людвенко, Андрея Алексеенко, Евгения Григоренко, Алису Гончаренко, Александра Пригарина, Андрея Старкина, Ирину Дмитриевну Черных, Иру Николину.

**Стоянова (Захарченко) Галина Николаевна, к.и.н.,
Доцент кафедры археологии и этнологии Украины
ОНУ им. И.И. Мечникова**